

6+

Ирина КОСТЕВИЧ

Йокин в Париже

Ирина Костевич
Йокин в Париже

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Костевич И.

Йокин в Париже / И. Костевич — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Йокин - это игрушечный паучок. В компании кота Рыбчика он попадает в Париж на слёт плюшевых мишек. Казалось бы, что делать этой парочке среди медведей? Но они не одиноки, поскольку на слёте оказывается ещё и свинья Хохвенга из Гогулинска, мечтающая встретить свою любовь на Эйфелевой башне...Повесть была опубликована в альманахе "Как хорошо уметь читать!" в рамках VII фестиваля "Молодые писатели вокруг ДЕТГИЗа". Автор повести - член Союза российских писателей..

Глава 1

Йокин и Рыбчик сегодня уезжают в Европу. А Миша остаётся, хотя в тур приглашали именно плюшевых медведей. Миша боится пропустить свадьбу своей Ёлочки. Она обещала посадить его на свадебную машину вместо куклы, когда пойдет замуж. Миша ждет около тридцати пяти лет. Хозяйка, Элла-Ёлочка, с тех пор сильно выросла. И давным-давно извинилась, что не получилось тогда. И оправдывалась, и говорила, что не было никакого особого торжества, даже белого платья – в загс на такси, обратно на такси...

Добавим, что у Миши вялый от старости нос – внутри сваялись и пожухли опилки. Брови выбриты полукружьями: «чтоб смотрел веселей» – так уж постарался младший ёлочкин брат. Ну, а пищалка-ревелка – она сломалась. И теперь, когда Миша не может громко говорить, он стал глуховат. Мы-то с вами знаем, что это – психологическое. Однако Миша действительно считает, что свадьба ненаглядной Ёлочки еще впереди, а он чего-то недослышал, недопонял. А раз уж согласился сидеть на капоте машины – будет сидеть.

Вот такие они, советские плюшевые медведи! Нудные, но верные.

Да, происходят чудеса – ветеранам государство иногда дарит путёвки за границу. Но впрок ли подобные дары? Миша от души любит своих дорогих внуков – так называет он Йокина с Рыбчиком. Поэтому и путевку – ну, конечно же, им! Йокин поедет вместо Миши, а Рыбчик – сопровождающим.

Но кто они, наши герои?

Йокин – обычный растяпа и неряха. А еще он без ума от грибов. Полное имя Йокина – Ёки-Пуки. Уверяю, вы в жизни не встречали такого замурзанного, плешивого (от пылкой любви хозяина) плюшевого паучка! А какая у него грустная рожа! О, эти глаза, умоляющие: «Ещё, ещё один гриб!» И мало кто знает, что в самом низу милой до слез мордахи вышита красными нитками весьма нахальная улыбка... Йокин вечно влипает то туда, то сюда. Не стоит сокрушаться: это его стиль жизни. А теперь ещё отправляется в путешествие для плюшевых медведей (по секрету: с липовыми документами)! И ладно бы в Турцию или на Иссык-Куль, как все обычные алма-атинцы. Так нет же – по Европе!

Рыбчик – это серый плюшевый кот. Назван так потому, что продавался вместе с рыбой на веревочке. Рыба свисала с его шеи, как кольцо. Стояли на свете и такие времена, когда плюшевых котов не было в магазинах. Повальный дефицит! И Рыбчик оказался первым. Он очень деликатный. Появился в доме на день Святого Валентина. И если Ёки-Пуки – любимая игрушка сына Ёлочки, то Рыбчик – самый близкий и родной кот Ёлочкиной дочери.

Каковы хозяева, таковы питомцы. Похоже, Рыбчик родился воспитателем. Хотя он только подросток, но как внимательно следит за развитием шального Йокина! Отбирает лишние грибы. Заставляет мыться – хотя б изредка. Принуждает слушать музыку. Пришивает отвалившиеся конечности – а их много! «Заставляет», «принуждает», «отбирает» – неприятные глаголы. Но, если ты действительно любишь и чувствуешь свою ответственность, то будешь пользоваться и ими.

– До встречи в Париже! – помотал на прощание лапкой кот и залез в ящик для посылок, предназначенный лично ему.

– Пока! – пискнул Йокин, устраиваясь у себя.

– Сколько раз тебе говорить: не «пока», а «до свидания!» – донеслось бурчание из посылки побольше. «До свидания!» – чтобы потом ещё свидеться. Ты же хочешь со мной встретиться, а?

– Я – большая муха,

А ты велосипед!

Я маленький,

А ты – большой.

Уходи, пока я
Не икнул!

– пропищал в ответ Ёки-Пуки куплет любимой песенки, им же и сочиненной.
Котик вздохнул: чего возьмешь с этого грибоеда! Может, хоть в Европе обтешется.
А Йокин уже мирно дрых на своей подстилке.

Если про кого-то и можно сказать «летели», то не про Йокина с Рыбчиком. Они молча ворочались с боку на бок в своих уютных коробках и чесались со скуки. Летел только огромный самолет. И – время. Хотя именно для наших путешественников оно не летело, а ползло, как божья коровка после спячки.

В Амстердаме весь багаж, а значит, и кота с паучком, перегрузили на французский борт. Стало намного веселее. Дело в том, что французы шутят. Это нам хорошо – нужны обязательные шутки только на Первое апреля. А чтобы считаться французом, надо пошутить не менее 22 раз в день. Ежедневно, понимаете? А раз на раз не приходится! Капитан самолета спешил – уже смеркалось, а острот, розыгрышей и каламбуров сегодня набралась только дюжина. Он уже не решался рассказывать по громкой связи анекдоты: на прошлой неделе из-за жалоб пассажиров его оштрафовали. А лететь всего час... И капитан придумал! Эта отличная шутка стоила пяти:

– Внимание всем! Плохие новости! Наш самолет попал в зону повышенной круговерти! Чтобы пройти её, самолёту придётся крутиться что есть сил, а пассажирам, дабы мы сохранили равновесие и не упали на земли Пикардии – танцевать! Бон вояж!

Понятно, что Йокин ничего из этого французского мурлыканья и мяуканья не понял. Как и Рыбчик, даром что кот. Но начало заварухи сложно было пропустить. Древняя ламбада зазвучала с таким напором, что слышно было даже на земле. А потом все стали заваливаться то в одну сторону, то в другую, а сошедший с ума самолет летел то вперед, то назад, а то и кверху брюхом. О, это было страшно, дико-дико весело!

– И-и-эх! – вопил в восторге Ёки-Пуки, носясь в коробке по более тяжелому грузу, как серфингист по волнам. – Рыбчик, догоняй!

– Мяв! – проносилось и умолкало жалобное где-то рядом.

– Рыбчик, клёво! В самолётах весело!

– Й-о-ё-ёки-ин! – опять раздавалось и затихало вдали.

– Только не надо вот так произносить мое имя, будто тебя тошнит! – возмутился Йокин.

Но ответа не дождался.

Наконец турбулентная ламбада кончилась.

Галантный голос капитана достиг багажного отделения. Если б наши герои понимали французский, то составили бы фразу: «Надеюсь, вы хорошо провели время? Танцы – это чудо. На борту нашей авиакомпании вас никогда не застигнет скука. Вы заслужите свой кофе и печенье, если не обидитесь на меня за розыгрыш!» Тут капитан поскорее отключил громкую связь и ещё ту, что доносила до него мнения пассажиров. И, вполне удовлетворённый, засчитал себе эти две великолепных шутки за целых 10. Вот у него и вышло 22 – дневная норма. А значит, и хватит уже на сегодня.

Вы бы видели Йокина, когда его вынимали из коробки! Весь взъерошенный, чёрный чубчик – дыбом, словно ирокез у панка. Глаза косят в разные стороны, мало того – искрятся, как свечи из магазинчика приколов и ужасов. Казалось, восторг внутри Ёки-Пуки принял форму фейерверка в ночном небе и вот-вот унесет хозяина за пределы Земли.

Рыбчик выглядел хуже. Глаза не смотрят вовсе, шерсть зеленовата. Сказать по правде, его мутило. На нетвердых лапах доплелся он до края стола распаковщика и, приняв столешницу за землю, встал на колени, начав её целовать. Плакал, тихонько урча и мявча, крестился... Ино-

гда можно было расслышать: «Никогда, никогда... Придурок... Обрато – пешком...» Впрочем, распаковщик его не понимал. Как не понимал и того, почему Казахстан присылает таких странных медведей. Ведь хотя бы один из этой парочки должен быть мишкой?

Но тут же себя одернул: медведи как медведи. Настоящий француз обязан быть политкорректным!

Уже ночью кот с паучком очутились в гостинице. Может, людям и покажется ужасным, что в один узкий номер с видом на другую гостиницу заселили сразу 50 постояльцев. Однако поверьте – игрушкам было совсем не тесно. Сорок восемь медведей, кот и паучок – немного странно, но вполне терпимо. И гостиница находилась в самом центре Парижа. А это всех очень, очень взволновало!

Заслуженные медведи съехались в Париж из разных стран. По договору с хозяевами игрушек, принимающая сторона должна хорошо устроить медведей и сопровождающих: в симпатичных коробках. Возить гостей на экскурсии и фотографировать возле достопримечательностей. Предоставлять интернет, чтобы медведи без помех отправляли письма домой. Тем игрушкам, чьи хозяева готовы были заплатить, отдельно подавался кофе в коробочку, на ночь предлагалось чесание пяток, а днем – массаж и ароматерапия.

Освоившись, Рыбчик стал оценивать ситуацию. Из сопровождающих он, похоже, один. Зато какие разные собрались в номере медведи! Тот, что занял самую большую коробку – «медвежий кабинет», был похож на модельера Карла Лагерфельда. По крайней мере, он всем так отрекомендовался, поправляя белой лапой чёрные узкие очки на носу. А вон та розовая медведица какая-то странная. Вместо носа – пяточок, как у свинки. Хотя, кто их разберет, этих заграничных медведиц... Может, сейчас так носят? Да, и где же этот шалопаЙ Йокин?!

Глава 2

Рыбчик заметался по номеру. Йокина не было. Рыбчик начал стучать во все коробки без разбора, зовя подопечного очень ласково – чтобы не испугался и всё-таки вышел. Безрезультатно. Зато скоро уже все медведи знали, что вот этот серый кот из Казахстана ищет своего друга, которого зовут Йокин.

Наконец из-за тяжелой портьеры показалась перепуганная физиономия Ёки-Пуки. Он не притворялся, а действительно был очень ошарашен. Интересно, что же так проняло нашего сорви-голову? Тремя дрожащими лапками поманил Рыбчика к себе.

– Только тихо! – еле прошептал он. – И не вздумай открыто лезть к окну!

Рыбчик пошевелил усами и выпрямился.

– Вот сюда иди, смотри в щёлочку! – всё так же шепотом руководил Йокин.

Рыбчик посмотрел. На улице темно. Пусть это и Париж, ночь нигде не отменяется. Горят фонари у гостиницы напротив...

– Ну и что?

– Ты на окно смотри! Выше! Четвёртый этаж! – взмолился паучок.

В указанном окне выделялся чернотой и неподвижностью очень странный силуэт.

– Теперь видишь?

– М-м-м?

– М-м-маньяк! Он за нами следит! Он – в засаде!

Рыбчик отпрянул от портьеры. Оглянулся. За ним уже стояла толпа медведей и жадно тянула головы на коротких шеях к окну – смотреть.

– Там что – инопланетяне? – даже взвизгнула от любопытства розовая медведица.

– Инопланетяне, инопланетяне – забурчали и забормотали мишки.

– Нет, ну что вы! Никаких инопланетян! Просто там этот... обычный маньяк, – поспешил успокоить всех Рыбчик. Тем, кто не знал русского, перевели.

Тут сверху на паутине, как на тарзанке, промчался через всю комнату Йокин, вопя не своим голосом:

– Ой, там маньяк! Ай, боюсь маньяков! Прячьтесь, прячьтесь!

Медведи быстро залегли по берлогам. Кто где успел. Тридцать шесть тесно-тесно забились под кровать, остальные кинулись в туалет.

– Мои уши! – вдруг запричитала розовая медведица. – Ой, отдайте, будьте так добреньки! Да куда ж они... Ох, попала я...

Йокин уже успел подлететь на своей паутинке к выключателю и вырубил свет. В темноте раздавалось кряхтенье, сопенье, урчание и почему-то – жалобное похрюкивание.

– Однако, господа, – слышался из-под кровати взволнованный голос Карла Лагерфельда – всё сложно. Так что давайте спать, а утром разберёмся в ситуации. Чтобы нас не застали врасплох, выставим дежурных. Кто-то хочет?

И Рыбчик, который чувствовал себя морально крайне неудовлетворительно (и не верил в маньяка), конечно же, вызвался охранять всех.

А что же Йокин?

Он очень удобно устроился в «медвежьем кабинете» Лагерфельда, вполне оценив и обтянутый кожей диванчик, и нежное пуховое одеяло, так щедро укрывшее его немытую фигуру. Он кутался в одеяло, дрожал от страха и приговаривал: «Ой, мне так страшно! Но мне так хорошо!» «Страшно»-«хорошо» качались перед его глазами, как качели, и вскоре стало одинаково приятно – что страшно, что хорошо... Успокоенный паучок заснул. И вот уже его храп заглушил горестное похрюкивание, пунктиром долетавшее со стороны комода.

Неловко признавать, но это так: заснул и Рыбчик, заснул на посту! Однако никто о нём не вспомнил. С утра все гонялись за Йокином... Наконец схватили, и, как ни отбрыкивался, сунули мордой в окно:

– Полюбуйся на своего маньяка!

– Ишня! Ишнянка! Какой красивый паец! – когда Йокину что-то очень сильно нравилось, он всегда говорил «ишня» или «ишнянка». Судя по тому, что паучок употребил сразу два своих хвалебных слова, паец был великолепен. Огромный, в человеческий рост, весь из цветных лоскутов, он висел на верёвочках в окне четвёртого этажа гостиницы напротив и, казалось, не обращал на наших туристов никакого внимания. Медведи кряхтели, потирая бока после ужасной ночи на полу ванной и под кроватью. Они уселись вокруг Йокина и решали, что с ним делать, чтобы не безобразил.

А Ёки-Пуки смотрел на них так жалобно, как только он один и умел.

Медведик с шерстью цвета какао и огромными ступнями задних лап спрашивал, как это Ёки-Пуки очутился в их компании на правах медведя.

– Нет, не медведь я, ну и что?! – перешел Йокин в наступление. – Теперь – домой, да? Или всю неделю здесь в коробочке просидеть? Деда Миша не смог, меня вот послал, чтобы всё рассказал ему, старенькому. Привет просил передать. Радовался за меня, что с вами познакомлюсь... Познакомился...

– Ты хочешь сказать, медведь – твой дедушка?

– Ну да! И вон ещё – его, – Йокин кивнул на Рыбчика, скромно стоящего у стены.

– Это правда? – спросили медведи хором у кота.

– Он называет нас своими внуками, – подтвердил Рыбчик, предвидевший этот разговор еще дома. (Но ведь ему так очень, очень-очень хотелось повидать Париж! «Чего не удалось Пушкину, удастся мне...», – мечтательно приговаривал он, собираясь в дорогу. Понятно, что Йокин – непростое испытание для нервов. Но... «Париж стоит мессы!» – утешал себя начитанный котик.)

Медведи оказались народом отходчивым и не стали изгонять кота с паучком из своих рядов. Кто-то опрометчиво решился сказать, что с Йокином будет веселее. Но на него тут же зашикали и даже заревели.

Потом пришли организаторы, принесли Лагерфельду кофе в коробочку, всем раздали ветчину.

– А где же г-грибы?! – поинтересовался Ёки-Пуки, даже заикаясь от волнения, поскольку ветчину не любил.

– А г-грибы б-бывают т-только в турах для б-белок, – ответил служащий, который, действительно, заикался.

Паучок завалился на спину и скрестил все восемь лапок на груди.

А вот Рыбчику еда понравилась.

Йокин, собравшийся было помирать, передумал, выскочил в открытую дверь и понёсся по гостинице, спрашивая всех подряд:

– А где, скажите пожалуйста, здесь белки живут?

Но его никто не понимал.

Неожиданно Йокина дёрнули за одну из лапок:

– Малыш, малыш...

Паучок страшно разозлился. Как пружина, собрался, в прыжке развернулся к обидчику:

– Кто это здесь малыш?!

Глава 3

Перед ним стояла розовая медведица.

– Ну, извини, – торопливо попросила она. – Не хотела тебя обидеть. Ведь ты должен меня спасти. – И, увидев, что паучок не очень обрадовался слову «должен», внезапно разревелась, – Пожалуйста, пожалуйста! Иначе меня съедят!

– Медведями в наши дни кто-то питается? – удивился паучок. Хотя сейчас он был так голоден, что и сам не прочь был съесть чего-нибудь – размером с медведя.

– Медведями – не знаю, а вот свинками – это всегда пожалуйста, – пролепетала розовая медведица и стянула с головы бандану. Появились ушки – тонкие и лысые.

– Ну, тепер понимаешь? – спросило животное Йокина.

– Э?

– Ну вот, видишь, – она приподняла край тельняшки и грациозно помотала хвостиком-крючком.

– Э-э-э?

– Хохвенга я. Из Гогулинска. Понял теперь?

– А чё, у вас там все медведи такие розовые?

– Да свинка я!!!

– А-а-а... Ой, тебя ж медведи сожрут!

Хохвенга опять бурно зарыдала.

Потом стала объяснять:

– О Париже с самого детства мечтаю. Нагадали, что на Эйфелевой башне любовь свою встречу. Мне Олюшка костюм медвежий сшила, путевку достала. Боялись мы с ней очень, но всё вроде продумали. Кто знал, что в такую заваруху попаду? Ночью в давке ушки потеряла. А без ушек медвежьих куда? Все. Пропал Париж... И я пропала. Медведи меня в два счета раскусят – и съедят! Помогите – умоляю, умоляю...

– Дел-то на две копейки: уши найти – и всё. Только я голодный очень. У тебя грибов нет? Хохвенга достала кошелек, набитый желудями. Протянула самый крупный:

– Полакомись!

Йокин ел, потихоньку давился и сплёвывал. Он думал о том, что зря согласился ехать в Париж. То маньяки, то свиньи из Гоголинска. И ещё паучок подумал о том, как тяжело живется Рыбчику с его деликатностью. Ведь, согласившись есть ужасный желудь, Ёки-Пуки поступил, как серый кот. Слишком уж воспитанный – чересчур, пожалуй.

Он быстро спровадил Хохвенгу в буфет, сунул обмусоленный желудь поглубже в кадку с пальмой, стоявшую рядом, и поскакал обратно в номер.

Первое, что бросилось ему в глаза – это розовые медвежьи уши, парящие в вышине. Карл Лагерфельд стоял на балконе «медвежьего кабинета» и плавно мотал ими туда-сюда. При этом он светился от счастья, будто уже съел саму свинку, а уши служили ему восхитительным напоминанием об этом событии.

– Хохвенга-то влипла, – подумал паучок и, пробежав мимо Рыбчика, успел шепнуть ему с самым приветливым видом:

– Вечером встретимся!

После этого со всех восьми ног кинулся прочь. Знает он Рыбца с его идеями: «Йокин, так нельзя, надо быть со всеми!»

Рыбчик разъярился. Ну как можно быть сопровождающим тому, кто не хочет, чтоб его сопровождали?! А ещё друг! Котик в сердцах решил, что не будет гоняться за этим безумцем. Все равно тот ещё приползет к нему, и будет просить прощения – как только заскучает.

– Или если Йокину что-нибудь понадобится, – поспешно добавил про себя Рыбчик, отличавшийся объективностью. И, всё еще досадуя, поехал с медведями на экскурсию.

Почему туристов в первый же день стараются свозить к Эйфелевой башне? Ответ прост: да чтобы потом не надоедали! Но ещё до медведей туда отправились так и не поевший Йокин и Хохвенга. Всё равно им в гостинице делать было нечего. Выбрались на улицу, огляделись.

– А ещё говорили, что её отовсюду в Париже видно, – тоскливо прошептала Хохвенга, рассматривая в зеркальце небо вокруг себя: голову-то она задрать не могла – свинка же. Йокин, даром что крутился во все стороны и даже залез на какой-то заборчик, тоже Эйфелевой башни не нашёл.

– Значит, брехня, – постановил он. – Ну, тогда давай пойдем, куда ноги понесут. Или поедем, если повезёт.

– А мы заблудимся!!!

– Где всё равно ничего не знаешь, заблудиться нельзя!

И они сначала пошли – целых метров пятнадцать, и дошли до дверей магазинчика. А рядом как раз стоял велосипед. Тоненькая девушка загружала в его большой багажник продукты. Но вот она отвлеклась, и друзья прыгнули в багажник, спрятались за упаковками. Поехали! Йокин стесняться не стал и немного подкрепился чипсами с грибным вкусом. Оставшиеся рассовал по карманам. А девушка на велосипеде не могла слышать, что там так отчаянно хрустит, потому что в её наушниках пела Роза Армен.

Потом Ёки-Пуки принялся глазеть по сторонам. Хохвенга же, с тех пор как они едут, ещё и словечка не вымолвила.

Сидит, молчит, глазами голубыми по сторонам водит: туда-сюда, туда-сюда. А потом как завопит благим матом:

– Смотри, смотри: мы едем по рю Риволи! Значит, напротив – сад Тюильри!

Паучок немного почесался (так уж происходил у него творческий процесс, если чесался он не со скуки) и начал петь:

– Риволи – Тюильри,

Тюильри – Риволи,

Риволи, Риволи...э-э...

Но был он что-то не в поэтической форме, и дальше ничего не придумал.
Поэтому упавшим голосом произнес ещё несколько раз «Тюильри» и замолк.
Зато Хохвенгу как прорвало:

– Ой, какие ж цветочки! А вон, глякось, на той стенке красный носорог! Зачем, а? О-о, а вон открытки продают! А это – какие колготки вон у той, а!

Но паучок не отвечал. Он смотрел, вбирал в себя то, что видел, и удивлялся.

Всё здесь не такое, как он привык. Вместо урн болтаются на железных стойках пластиковые мешки. Хотя ещё холодно, на всех подоконниках выставлены горшки с яркими нежными цветами. Кое-где из окон надменно смотрят кошки размером с собак. Ветер такой, что товар на лотках не держится – открытки полетели стаей уток. У тётенок длинные носы и тонкие, как у паучков, лапки. Пахнет свежим хлебом, витрины блестят, а у входа вон в то кафе висит сразу пятьсот, нет, – тысяча сияющих медных поварешек... Но говорят все ерунду какую-то. Ничего не понять. Детишек строем повели. Ух, ты! Среди них – чёрненькие, как сам Йокин! Паучок даже глазами поморгал: может, померещилось? Никогда он такого не видел.

Потом стал замечать и взрослых чёрных людей. Вот где чудо-то – а Хохвенга лезет со своим «глякось»...

Народу, конечно, очень много. И домов. Но дома невысокие. Серые все, есть треугольные, как куски пирога, а трубы сверху торчат аж по двадцать штук кряду.

Девушка на велосипеде свернула к набережной, проехала по мосту с гигантскими золотыми и зелеными дядьками на колоннах. Широкая река, внизу – корабли, а вон вдали башня торчит.

– Хохвенга, глянь: она, что ли?

Свинка ничего не ответила. Из её глазок падали крупные, как M&M's, слезы.

Всё это время Рыбчик с медведями, быстро добравшимися на метро до места, стоял в гигантской очереди под Эйфелевой башней. Не так-то просто попасть наверх! Он переминался с лапы на лапу, крутил от нечего делать хвостом и был страшно разочарован тем, что за романтикой надо ещё и «хвоститься» два часа. «Хвоститься» – так говорила бабушка Ёлочка, заставшая времена, когда люди каждый день выстаивали громадные очереди за колбасой и другими продуктами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.